

Международный семинар «Балтийского форума»

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТЬ ЕС И РОССИИ: РИСК ИЛИ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ЛАТВИИ?

26 февраля 2007 года

СТЕНОГРАММА

Игорь Юргенс, председатель Совета директоров, банк «Ренессанс капитал»; председатель Правления, Центр развития информационного общества (РИО-Центр) (Россия)

«...После принятия Восьмёркой в Санкт-Петербурге декларации об энергетической безопасности, мы надеемся, что многие трудные вопросы, существовавшие в наших двухсторонних отношениях, я имею в виду двухсторонние отношения между Россией и ЕС, будут решаться позитивно. Позитивное решение этих вопросов, безусловно, будет связано с увеличением места и значения, которое будет играть в этих отношениях Латвия. Латвия расположена наиболее удобным для двух субъектов этих отношений, для ЕС и России, в географическом месте. Латвийская Республика обладает развитой инфраструктурой и логистикой. Мы знаем, как работать здесь, Латвия знает, как работать с нами. Мы очень рассчитываем на то, что наработанные десятилетиями хорошие отношения в области транзита и логистики, в первую очередь, энергоресурсов, найдут своё плодотворное развитие в ближайшее время. Что заставляет нас об этом думать? В нас вселяет надежду то, что мы начинаем решать политические проблемы, которые мешали этому плодотворному сотрудничеству. Вот каким образом решение политических проблем скажется на решении энергетических, каким образом Россия, которая переживает сейчас трудный предвыборный период и соответственно оттуда иногда доносятся сигналы не совсем возможно понятные нашим латвийским друзьям, каким образом вся та ткань двухсторонних отношений, которая осложнялась политикой, может быть укреплена за счет экономики, это, с нашей точки зрения, и является предметом сегодняшнего интересного семинара. Завершая своё краткое вступительное слово, я хотел бы сказать, что, безусловно, в самом названии семинара скрыт ответ. «Энергетическая взаимозависимость ЕС и России: риск или возможности для Латвии?». Мой ответ – минимальный риск, максимальные возможности при соблюдении соответствующих правил игры, которые мы сегодня с Вами вместе разработаем. Большое спасибо!».

Угис Сарма, директор Департамента Энергетики при Министерстве экономики (Латвия)

«Спасибо. Во-первых, хотел бы поблагодарить организаторов семинара за возможность присутствовать здесь и выступить.

Я попытаюсь со стороны экономического министерства рассмотреть отношения России – Латвии и ЕС в области энергетики. В связи с этим, энергетику и наши отношения с российскими коммерсантами в этой отрасли необходимо рассматривать в двух аспектах.

Первый аспект – национальный, т.е. мнение нашей страны. Здесь можно говорить об очень длинной и, на мой взгляд, успешной истории наших отношений в сфере энергетики. Это и поставки газа, электроэнергии и нефтяной бизнес. До сегодняшнего момента сотрудничество в этих отраслях было успешным, несмотря на некоторые успешные или менее успешные периоды в двух странах между политиками, но между поставщиками энергоресурсов отношения всегда были деловыми, конструктивными и фактически у нас не было причин, чтобы задумываться о прекращении этих отношений. Конечно, поставки российских энергоресурсов в латвийскую энергетику

самые значительные. Если говорить о цифрах, то приблизительно 40-50% от общего потребления ресурсов связана с поставками наших российских партнёров, это и первичные энергоресурсы и конечный энергетический продукт, я имею в виду электроэнергию.

Если мы посмотрим на пример ЕС, то там ситуация тоже меняется, меняется таким образом. Что поставки из России возрастают и возрастает роль и значение российских поставщиков энергоресурсов во всем Европейском Союзе. В этих условиях латвийский интерес заключается в укреплении наших отношений.

Следующий аспект – контекст ЕС. Принимая во внимание успешный аспект в истории деловых отношений России и Латвии и наше географическое положение, мы надеемся, что Латвия может играть значительную роль в поставке энергоресурсов в ЕС из России. Здесь я говорю о предоставлении различных услуг транзита и логистики. Латвия в этом смысле открыта для инвестиций как западных, так и восточных партнёров и мы готовы предложить свои географические и в отдельных случаях геологические возможности, которые делают транзит энергоресурсов основным сервисом или вспомогательной услугой. Я говорю о довольно больших возможностях по хранению газа у нас здесь в Латвии. Мы надеемся, что и отношения ЕС-России и в этом контексте отношения Латвии-России только поспособствуют развитию этого коммерческого проекта.

Единственное, что вызывает некоторые опасения, это возможно недостаточно хороший обмен информацией о развитии российского энергетического сектора в будущем. Существует много прогнозов, возможно даже спекулятивных, но нам хотелось бы получать точную и надёжную информацию, например, как в России будут развиваться электрогенерирующие новинки, какие объёмы энергоресурсов Россия планирует экспортировать в ЕС, это касается и Латвии и т.д. Чтобы эта информация была из первых рук.

Спасибо за внимание, желаю успешной дискуссии в сегодняшнем семинаре».

Алексей Слизков, заместитель директора Департамента внешнеэкономических отношений Министерства экономического развития и торговли (Россия)

«Уважаемые коллеги, говоря о сотрудничестве в области энергетики между Россией и Европейским Союзом, конечно, надо сказать, что здесь два фактора, которые, на мой взгляд, и формируют эти отношения.

Латвия теперь член ЕС и, несомненно, наши отношения в области энергетики, так или иначе, будут выстраиваться в общем контексте энергетических отношений России и ЕС. Вместе с тем, Латвия как Балтийское государство имеет давние отношения с Россией, в первую очередь, в сфере энергетики. Здесь история наших отношений предопределяет специфическое на сегодняшний день положение в Латвии. В частности, я посмотрел на цифры, в импорте Латвии по нефти Россия занимает 97%, по газу – 100%, по каменному углю – 99%. Это, с одной стороны, сложившиеся наши исторические отношения, с другой стороны, это показатель того, что наши отношения складывались в этой сфере достаточно успешно и Россия всегда была надёжным поставщиком энергетических ресурсов для Латвии.

Что касается отношений России с ЕС в сфере энергетики, то сейчас они выходят на передний план, во всяком случае, со стороны ЕС. Но вместе с тем, не надо забывать, что это одна из составляющих общего контекста наших торгово-экономических отношений. Успешное сотрудничество России и объединённой Европы в области энергетики исчисляется десятилетиями и основа этих отношений была заложена ещё во времена СССР. Даже тогда жесткая идеологическая конфронтация не помешала

обеим сторонам установить стабильные и тесные торговые отношения в энергетической сфере. Россия, как правопреемник, продолжила эти отношения и зарекомендовала себя надёжным поставщиком энергоресурсов в объединённую Европу. Несомненно, стабильность этих отношений стала основой обоюдной выгоды и взаимопроникновения экономик России и ЕС.

Вместе с тем, в исходных позициях имеется принципиальное различие, определяющее эту взаимозависимость. Россия формирует значительную часть энергобаланса ЕС и, по оценкам, в ближайшие 25-30 лет потребность и доля России в удовлетворении энергетической потребности ЕС может вырасти на 35-40%. ЕС нуждается в дополнительных ресурсах, Россия, в свою очередь, полностью обеспечена энергоресурсами и может продолжать экспортировать энергоресурсы в Европу.

Есть и различия в подходах. ЕС является в двухсторонних отношениях нетто потребителем, Россия – экспортёром. Соответственно, ЕС имеет в качестве одного из основных приоритетов – обеспечение энергобезопасности потребителя. Россия, будучи поставщиком энергоносителей, заинтересована в свою очередь в обеспечении энергобезопасности поставщика. Это существенно две разные позиции и, как нам представляется, решать эту задачу необходимо при наличии доброй воли и на встречах курсах. Потому что конкретные параметры в решении этой задачи во многом должны стать и следствием нахождения взаимоприемлемых решений и порой может и следствием определённых компромиссов.

Наши отношения в сфере энергетики с ЕС имеют достаточно длительную историю. С 2000 года они были оформлены в виде диалога, который ведётся на высшем уровне и нельзя сказать, что мы достигли кардинальных успехов в этих отношениях, но вместе с тем они развиваются вполне позитивно. Ежегодно на Саммите России-ЕС докладываются результаты этого энергодиалога.

В энергетической политике и России, и ЕС руководствуются принципами прагматизма. Прагматизм определяет сходства и создаёт хорошую основу для нахождения правильных взаимовыгодных решений. Вопросов здесь много. И Вы знаете, что энергетическое сотрудничество обсуждалось в различных форматах, в частности, очень интенсивно во второй половине прошлого года, это был саммит Большой восьмёрки и саммит России-ЕС, в ходе которых выявили ряд вопросов, которые требуют решения именно в духе доброй воли, в духе взаимного сотрудничества.

Что здесь, с нашей точки зрения, возможно? Вопросы энергетического сотрудничества являются предметом, в том числе и нового Соглашения о партнёрстве и сотрудничестве, срок действия которого истекает в конце этого года, работа над которым, как мы надеемся, скоро начнётся. В какой форме это будет, пока нет определенного решения. Может это будет отдельное соглашение, может это будет частью каких-то общих соглашений, это ещё станет предметом переговоров. Но вместе с тем, как нам представляется, должны быть соблюдены общие принципы, которые и будут гарантировать успех развития отношений в дальнейшем. Причины здесь – взаимовыгода, транспарентность, недискриминационность и учет интересов обеих сторон. Повторяю, для России важно обеспечить наряду с тем, что Россия обеспечивала и обеспечивает на протяжении долгих лет сотрудничества в энергетической сфере, а именно, энергетическую безопасность Европы, удовлетворение растущих потребностей в энергетике европейских стран, необходимо обеспечить и безопасность поставщиков, т.е. доступность инвестиционных ресурсов, гарантированность вложенных инвестиций и гарантированность сбыта. Здесь предстоит ещё много работы, потому что существующая схема обеспечивает, в известном смысле, интересы России, но те преобразования энергетического рынка, которые происходят в Европе, могут создавать и определённые новые проблемы, которые, естественно, требуют решений. Я уверен, что их решение будет найдено, но

это решение должно быть найдено именно с учетом интересов российских производителей энергетики.

Хотелось бы вернуться к отношениям России и Латвии в этом контексте. Повторяю, с нашей точки зрения, наши отношения в энергетической сфере складываются и складывались довольно успешно. Россия обеспечивает все потребности Латвии в энергоресурсах. Каких-либо серьезных проблем в этом отношении мы не видим, думаю, что Россия будет в состоянии продолжать обеспечивать эти потребности.

Что же касается реформирования энергетического рынка, здесь как раз и появляются вопросы, которые требуют нахождения приемлемых для обеих сторон решений.

Определенную обеспокоенность вызывают планы по выходу стран Балтии из энергетической системы стран СНГ. Вот это может создать серьезные проблемы. Здесь надо искать прагматическое решение в формате будущей стыковки энергосистем Центральной и Западной Европы, потому что простой технический выход осуществим, но он потребует огромных затрат, в то же время, может вызвать определенные проблемы с надёжностью обеспечения. Именно надёжность энергоснабжения является основным приоритетом, декларируемым в документах ЕС. На сегодняшний день эта система функционирует устойчиво. Работа над реализацией идеи о прагматичном решении ведется. Была создана рабочая группа, которая опубликовала свой доклад. Технически это реализуемо. Реализация этой идеи обеспечила бы функционирование и наличие единого европейского рынка электроэнергии. Я не буду углубляться, наверняка, те, кто с этим сталкиваются, знают о плюсах реализации этой системы. Реализация планов по отделению электроэнергосистем стран Балтии и затратная, прежде всего для стран Балтии, и может вызвать определенные проблемы в обеспечении, прежде всего, надёжности. В этом смысле мы заинтересованы в нахождении взаимоприемлемом решении в формате сохранения действующей системы и реализации сопряжения двух систем энергоснабжения - стран СНГ и стран Центральной и Западной Европы.

Ещё одна проблема, она на сегодня в меньшей степени касается Латвии. Это проблема торговли ядерными материалами. Эта проблема существует у нас между ЕС и Россией. Торговля ядерными материалами была выведена в своё время под действия энергохартии СПС, когда эти документы подписывались. Вместе с тем, на практике существует система, дискриминирующая российских поставщиков. Дискриминация заключается в визировании европейскими агентствами по снабжению ЕВРОАТОМА всех контрактов и существующее правило, ограничивающее потребление для одного потребителя из одного источника 20%. Система действующая, хотя официально нигде не объявлена. Российская сторона постоянно ставит этот вопрос в наших отношениях, но решения до сих пор нет, хотя должно было быть достигнуто у 1997 году. Здесь есть серьезные расхождения в позициях обеих сторон. Вместе с тем, сотрудничество в торговле ядерной энергетикой остаётся одним из важных и перспективных направлений, поскольку энергия, произведенная в сфере ядерной энергетике, является одной из самых чистых с точки зрения выбросов, загрязняющих окружающую среду, с точки зрения выбросов CO₂.

Следующий аспект – сотрудничество в сфере газа и нефти. Напомню, что основным экспортером в Латвию является Россия и надёжность, как мы видим, обеспечена. Мы думаем, что продолжение сотрудничества в этом же духе, на этих же принципах на ближайшую перспективу в полнее способна обеспечить и энергобезопасность Латвии, и её потребности. Единственное, в какой мере Латвия намерена реализовывать положение европейских директив в этой степени, и будет зависеть, появятся ли в этой сфере у нас вопросы или нет. Надеюсь, что сегодняшний семинар сможет обозначить подходы сторон к этим вопросам. Спасибо».

Леонид Григорьев, президент фонда «Институт энергетики и финансов» (Россия)

«Добрый день. Спасибо за почётное удовольствие выступить на этом важном форуме.

Я хотел бы начать с базисных вещей, потому что мне пришлось участвовать в дюжине конференций по энергобезопасности в Европе, в Англии и в Вашингтоне. Вообще таких конференций стало больше, чем футбольных матчей и они распадаются довольно устойчиво на две части. В одной, где собираются энергетические специалисты – там все очень спокойно и все обсуждают экономический рост, энергоснабжение, потепление климата, доставку и никто не обсуждает никаких политических проблем. Ну и конференции политические, где обсуждаются масса таких проблем безопасности, носящих скорее психологический характер.

Я экономист и остановлюсь на базисных вещах. Во-первых, Россия выступает в качестве глобального поставщика энергии. Для порядка величин, я напому, на 2004 год Россия при населении в 2% земного шара произвела тогда 10,3% всей первичной энергии в мире. Из них 5,6% использовала сама, 4,7% экспортировала.

Конечно, у нас не сильно эффективная внутренняя экономика, в смысле энергетики, она досталась нам от СССР как всем. В этом плане Россия обречена играть роль стабилизатора мировых энергетических рынков. Мы не Саудовская Аравия, мы не можем влиять на цены, напому, что мы не влияем на нефтяные цены, на газовые цены, ГАЗПРОМ монополист во многих отношениях дома. Но сибирский газ был проведен четверть века назад в Европу французами и итальянцами для борьбы с монополией Алжира и Норвегии по ценам, вопреки возражениям США в это время. Если мы посмотрим снабжение западной Европы, это один из шести крупных поставщиков в Европе, не беря менее значительных, это Англия, Голландия, Норвегия, Алжир, Россия. Цены в Европе определяются по формуле, которая секретна для каждого контракта, но общий принцип её известен. Цена на газ в Европе зависит от спотовых цен на нефть. Если мы посмотрим ситуацию последних лет, уровень цен на газ в Европе примерно такой же, как в США, где чисто либерализованный рынок. Разница в том, что там цены очень сильно скачут, в Европе они более плоские, поскольку формула сглаживает эти колебания. Но уровень примерно тот же, т.е. не происходит ничего драматического в этой области. Ещё раз скажу, что Россия не влияет на цены и, в этом смысле нет на нас ответственности за повышение цен в Европе на газ. В любом случае, огромную долю цен газа для потребителей в Европе играют налоги, поэтому это не цена оптового поставщика, а цена, включающая в себя большое количество налогов.

В 90-х годах, когда у нас был кризис, примерно на уровне минус 40-45% реального ВВП, нефть примерно упала на столько же. Рост добычи нефти, примерно 2 млн. бара в 2001-2003 годах, стабилизировал рынок нефти. Если бы не этот прирост, цены возросли бы раньше на несколько лет. По газу Европа вообще не заметила российского кризиса, потому что ГАЗПРОМ не снижал добычу, держал добычу в пределах 8% снижения, но это никак не влияло на поставки. Поэтому для нас в Москве нет проблемы надёжности поставщика.

По внутренним нашим делам. В 2003 году была принята стратегия, она уже немного устарела, мы в этом году начали проводить уже первые совещания, будем выработать новую стратегию. Стратегия 2003 года была до 2020 года. Нынешняя стратегия будет до 2030 года, работа началась. Данные на 2006 год очень близки по уровню 2010 года по оптимистическому сценарию стратегии. По нефти мы вышли на определённый уровень добычи, близкий к тому, что было в начале 90-х годов, за счёт иногда варварского отношения к месторождениям и резкий рост добычи нефти видимо не очень. Можно сделать, но это очень дорого. Поэтому мы предлагаем умеренный рост, во всяком случае, в ближайшее время до каких-то радикальных вложений. Россия будет продолжать увеличивать понемногу производство и экспорт нефти.

Одна из наших проблем, что мы не инвестируем экспортные доходы. У нас примерно 35% нормы сбережений по отношению к ВВП и всего 19-20% нормы накоплений всех последних 5 лет. Наша национальная проблема в том, что мы плохо используем свои экспортные доходы.

Внутри страны надо иметь в виду два фактора. Во-первых, существует достаточно большая позиция в общественном мнении и газетах, что зачем мы так много экспортируем, если мы не используем деньги. Понятно, что Россия не может сократить экспорт, это нарушило бы глобальный баланс, но, тем не менее, лобби в пользу увеличения экспорта добычи существуют, естественно, это сами компании. Но, с другой стороны, существует достаточно экономических факторов, которые говорят нам, что мы, прежде всего, должны научиться использовать свои доходы, прежде чем их наращивать.

В связи с этим у нас возникли новые очень тяжелые проблемы. 17 лет мы росли и почти не инвестировали по-крупному. Ведь в 2007 году у нас ВВП будет на уровне 90-х годов, практически это означает, что мы потеряли 17 лет экономического роста и развития. Балтика вышла на предкризисный уровень, на 90-й год примерно, позади нас много стран, типа Украины, Молдавии, Грузии. Но, в принципе, конечно, это не нормальная ситуация. И за 17 лет мало, что построено в стране. Мы сейчас подходим к исчерпанию тех запасных мощностей во многих отраслях промышленности, которые у нас были эти 17 лет, в последние годы мы их использовали. Теперь это «удовольствие» заканчивается. Мы должны инвестировать, чтобы расти, тем более у нас предвыборный год, мы заняты выработкой проблем. Как нам использовать экспортные энергетические доходы для модернизации страны – вот это ключевая для нас внутренняя проблема.

Если по-честному, то, конечно, проблема снабжения мира энергетикой не обсуждается, поскольку мы выполняем свои обязательства. Но страна не берёт на себя обязательство, балансировать весь мир и мы не обсуждаем эти проблемы. У нас внутренняя проблема, это бездомные дети, образование, жилищная сфера. Если мы посмотрим энергетику, энергетика во многом обеспечивает это и в неё мы теперь должны много вкладывать. Скажем, по электричеству оказалось, что за 17 лет практически нулевой рост мощностей. В результате мы сейчас сталкиваемся с нехваткой электричества в пиках, прежде всего в Москве и Петербурге, и даже уже на среднем уровне возможны проблемы, мы должны срочно инвестировать в энергетику. Поэтому внутри наши проблемы предсказуемы.

Нам нужна ясность по ситуации в Европе. Когда нам говорят, что мы недостаточно транспарентны в политике. У нас все быстро меняется, мы только из тяжелого кризиса и мы впереди, мы не все знаем про свой экономический рост и никакая страна не знает про свой экономический рост. Разве в мире все известно о будущем развитии ОПЕК, про политическую стабильность в странах ОПЕК, про их нефтяные поставки. Мы что знаем вперед на 15-20 лет? Пожалуй, нет. Все ли мы понимаем в китайском спросе на нефть и газ? Нет, конечно, не все. Идёт большой спрос у Латинской Америки и других странах мира. Россия в этом смысле находится в процессе трансформации от переходного после кризисного периода к экономическому росту, который должен идти на новых началах, возможно, будет менее энергоёмким. Точные ответы по многим параметрам даст только жизнь или суммарное взаимодействие стратегии действия компании, даже правительство в ряде случаев может нарисовать красивый энергетический баланс на 2020 год, но выполнять его должны будут компании. Конечно, каждой стране хочется немного больше знать наперёд, что будет у соседа и к этому пристраивать свои стратегии. Но это симметричная ситуация. Мы не очень понимаем, что будет в Европе, вернее, мы понимаем, что там делается, но, скажем, возьмём возможную нехватку газа в Европе в 2010, 2015, 2020 году, как это идёт по прогнозу. Но ведь идут очень серьёзные изменения в экономической стратегии и по

директиве, и по новым решениям Европейской Комиссии, и по страновым решениям в Англии, во Франции. Наш институт пытается сейчас посмотреть все энергетические стратегии крупных потребителей и как на них влияет новое решение. А будет ли эта нехватка газа, нужно ли нам по этому поводу беспокоиться? Мы хотели бы большей ясности и по возможностям в будущем сбыта электричества. Если мы разовьём свой энергетический сектор, появляются огромные возможности взаимодействия за счет временной разницы, особенно если мы поднимем ядерную энергетику, то там возникают различные колебания, которые требуют взаимодействия. Если у нас есть возможность взаимодействовать с Европой и с соседними странами, то это было бы хорошей основой и для взаимодействия с нашей стороны. То же самое относится и к правилам взаимодействия в Европе. Мы прекрасно понимаем, что планы развития либерализованного газового рынка в Европе во многом зависят, во-первых, от наличия газа, во-вторых, от действий компаний. Мы с интересом смотрим, что же на самом деле будет происходить в Европе, потому что до сих пор ведь нет либерализации газового рынка в Европе. Там это не произошло, там это обдумывается, проводятся директивы, обсуждения, возможные варианты. Поэтому проблема транспарентности будущей политики, влияние будущей политики на развитие рынка, это достаточно симметричная ситуация, в ней надо работать очень конкретно.

В заключении напомним только одну вещь. Северный газопровод – это очень старый проект, ему лет 15. Европейская Комиссия его всегда любила и любит. Представитель Вашей страны, который является комиссаром ЕС, неоднократно говорил, что это проект, который укрепляет европейскую энергобезопасность и стабильность. Мы понимаем, что Германия в энергетическом секторе имеет очень маленькую долю газа. Им надо по закону до 2020 года выводить ядерную электроэнергетику и выводить уголь, поэтому российский газ там является компенсирующим фактором. Поэтому газопровод экономичен. Экономика этого проекта стоит на достаточно серьёзных основаниях и он нужен для Европы. Спасибо».

Пами Аалто, исследователь, Eurasia Energy Group, Университет Хельсинки (Финляндия)

По техническим причинам текст выступления не доступен

Андрис Спрудс, исследователь Латвийского Института внешней политики (Латвия)

«Спасибо организаторам за предоставленную возможность участвовать в таком значимом мероприятии. Я хочу затронуть те вопросы, которые уже частично сегодня обсуждались, а именно политические аспекты энергетического диалога ЕС и России. В этом контексте политические аспекты очень значительны и они не уходят на второй план.

Если говорить о характере энергетического диалога ЕС и России, можно сказать, что институционализация этого диалога началась с 2000 года. Процесс не был одинаковым. По началу это выглядело так, что ЕС и Россия способны договориться об эффективном механизме сотрудничества, о принципах в энергетическом секторе. Но очень быстро это стало выглядеть так, что эти надежды в большей степени осложнились, стали намного труднее достигаемыми. Осложнили этот фактор многие аспекты. Один из них, это то, что возросли и цены и спрос. Конечно, Россия стала намного важнее в этом энергетическом диалоге, что Европе сначала было трудно принять.

Следующий аспект - это новые страны-участницы ЕС со своим видением, со своими интересами.

Отношения ЕС и России неоднозначны и неоднородны. Ясно, что существуют различные интересы и взгляды, но так же существует вопрос о самих актерах, о двух партнёрах, поскольку для того, чтобы начать эффективный диалог, необходимо договориться о партнёрской позиции, о ясных установках. На мой взгляд, здесь проявляется значительный дуализм, как со стороны ЕС, так и со стороны России. Если говорить о ЕС, то здесь мы видим и различные структуральные интересы, и различное восприятие и противоречия между экономическими и политическими целями. Если говорить о ЕС, то один актёр, который является объединяющей величиной, это то, что должна быть надёжная поставка энергоресурсов – стабильная поставка по стабильным ценам. Но как только мы начинаем говорить о том, как обеспечить эту стабильную поставку по стабильным ценам, сразу возникают некоторые отличия, что вполне естественно, поскольку структуральные отличия в ЕС полностью выражены.

Один пример. У одной страны есть диверсификация, у другой нет. Если для стран Балтии диверсификация будет означать уход и уменьшение российского фактора энергопоставок, то для старых стран-участниц ЕС диверсификация будет означать синтефикацию отношений с Россией. Португалия, Франция, Германия заинтересованы в таком роде отношений. Поэтому здесь наглядно просматривается чисто структуральные отношения.

Следующее отличие, от которого никуда не уйти и это нельзя игнорировать, это различное историческое восприятие.

Ещё один фактор – существует противоречие в рамках ЕС в реализации энергетической политики. Пример – либерализация. Что означает либерализация? Либерализация по существу означает уменьшение контроля государственной власти. И здесь сразу возникает вопрос – каким образом мы обеспечим надёжность поставок? Так как по существу, кто будет строить газопровод, атомные станции? Конечно, компании могут быть в этом задействованы, но ясно, что надёжность энергопоставок играет большую роль для государственного фактора. Совершенно понятно, что противоречия между либерализацией и надёжностью поставок обязательно появятся. Например, пример Латвии. LATVENERGO является монополистом, но в тоже время этого монополиста можно назвать хорошим монополистом, поскольку он обеспечивает низкие цены, эффективность системы. Возникает много вопросов: и вопросы социального характера, и вопросы эффективности. Например, США в конце 90-х годов либерализовали электрорынок и газовый рынок. Конечно, нельзя однозначно сказать, что мы будем следовать этому примеру, но Вы помните энергетический кризис в Калифорнии. Существуют большие трудности в восприятии этой системы, поскольку она приватизирована. Потому что для частной компании главное доход, а не общая эффективность системы.

Все эти аспекты проявляются. Как я уже сказал, в рамках ЕС является проблематичным наметить противоречия этих целей, структуральные отличия, а также воспринять эти различия. Не будет легко договориться об общих принципах. Да, система должна быть эффективной, но какая она будет, это большой вопрос. Например, Германия пробует реализовать это новое видение и придает этому очень большое значение. Но легко не будет.

Опять пример, Польша, они не хотят быть окончательным получателем, они хотят быть транзитным государством. Таким образом, они компенсируют свои страхи по поводу того, что они 100% зависимы от российского газа.

Если говорить о России, я думаю, что и в России есть много структуральных и другого характера недостатков и несовершенства. Например, если говорить о том же самом энергетическом секторе, устарели инфраструктуры, необходимы технологии, инвестиции.

И недавний пример, ГАЗПРОМ сообщил, что в следующем году он уменьшит поставки в ЕС, поскольку ему необходимы большие территории для газификации. Поэтому это тенденция не очень благополучна, если мы говорим, что потребность ЕС будет расти.

Говоря о политическом аспекте, Россия до сих пор частично не имеет свою идентичность, что позволяет позиционировать себя как энергетическая супердержава.

Какие же существуют тенденции в отношении ЕС-Россия? Первое, статус quo, так как взаимозависимость и взаимная заинтересованность однозначно здесь имеют место быть.

Бытует мнение, что есть общие цели, но нет общих интересов. Я бы это перефразировал так, что есть общие интересы, но цели очень разные. Если говорить об интересах, России некуда деваться и Россия заинтересована в сотрудничестве с ЕС. Поэтому эти вопросы очень актуальны. Россия заинтересована в сотрудничестве с ЕС, ЕС заинтересован в сотрудничестве с Россией. Поэтому интересы здесь очень равноценные. Здесь имеет место быть статус quo и статус quo со знаком «+», но одновременно этот статус quo со знаком «+» является статусом quo со знаком «-» и это взаимное восприятие. Возникает вопрос: Как же воспринимают Россия? Россия воспринимают, как важный партнёр, но Россия пытается это использовать в свою пользу. Поэтому всё же восприятие довольно негативное, синтетическое.

Здесь существует возможная дилемма энергетической надёжности. По существу, отношения могут обостриться. Например, ЕС скажет, что не принимает условия России, а Россия ответит, что у неё и нет острой необходимости в этом разговоре.

Что можно сделать в этой ситуации? Ничего радикального не будет, но конфликт между Россией и Украиной, Россией и Белоруссией, на мой взгляд, был конструктивным, по крайней мере вначале. В том числе ЕС позволил осознать, что энергетическая безопасность нужна не только экономике, но и политике. И надо пробовать договариваться об этих общих принципах. Необходимо сначала ЕС понять, что здесь является первичным, либо энергетическая безопасность, либо безопасность поставок, либо либерализация внутреннего рынка.

Второе, надо пробовать строить эти отношения на прагматизме и взаимной заинтересованности и немного отойти от взаимных упреков, что поможет улучшить эти отношения.

И третье, институционализация отношений. Конечно, СПС очень важный договор и именно этот договор может задать направление, в котором будут развиваться эти отношения. Спасибо».

Владимир Фейгин, главный директор, Институт энергетики и финансов (Россия)

«Я хотел бы затронуть вопросы о том, что произошло за последний год, полтора в энергетической сфере, где мы сейчас находимся и куда движемся. Мы – в смысле ЕС и Россия с определённым уклоном в Прибалтику и возможно Латвию.

В прошлом году было привлечено внимание к энергетическим вопросам. Это связано с президентством России в «Большой восьмёрке» и нашло своё отражение в решениях саммита, которые впервые сформулировали общие положения, связанные с тем, что такое энергобезопасность, какие здесь существуют проблемы, в чём тут баланс интересов и какие существуют возможные пути её достижения.

Если смотреть на материалы саммита, то вещи, которые там сформулированы, достаточно ясны и сбалансированы, они говорят об основных рисках – это высокие нефтяные цены, растущая потребность в энергии, взаимозависимость, импортная зависимость во многих странах. Объём торговли энергоресурсов будет расти опережающими темпами по сравнению с объёмом поставок энергии и эта взаимозависимость будет расти неизбежно. В Европе Англия выбыла из числа экспортирующих стран, роль Голландии резко растёт, концентрация поставок увеличивается. Много проблем связано с инфраструктурой, с политической нестабильностью и т.д. Всё это отмечено в решениях саммита.

Но какие предлагаются меры? Повышение прозрачности, предсказуемости, стабильности, повышение эффективного использования энергии, диверсификация, повышение физической надёжности поставок и ряд других. Но мне бы хотелось отметить, что это только начало движения в отношении того, что делать со всеми этими проблемами. Пока получается так, что факторы отмечены, но слабой стороной является то, что нет институциональных решений, т.е. нет решений о том, кто будет на ежедневной основе этим заниматься. Поставщики и потребители, да, они завязаны в одну цепь, у них есть свои интересы, но у них есть и общие интересы, связанные с обеспечением энергобезопасности.

Но как, какими инструментами это делать? Этих инструментов мало или их почти нет, особенно между народных инструментов, кто их будет создавать, как они будут создаваться? Мне кажется, что это только начало движения и инструментов таких очень мало. Можно рассматривать балтийский форум, как одну из таких попыток заполнять эту нишу посредством усилий экспертов, общественных организаций, государственных организаций. Мы видим много односторонних решений, например, со стороны ОПЕК, со стороны производителей, но взаимодействие, постоянное обсуждение, стол переговоров сам по себе снижает эти риски, потому что в ходе дискуссий выясняются реальные противоречия и они отличаются от мнимых.

За последние годы мне пришлось неоднократно заниматься этим, мы провели много времени с экспертами ЕС и у нас ни у кого нет ощущения, что это напрасно, потому что очень многие вещи прояснились. Прояснилась главная вещь – ЕС растущая организация, привлекающая все больше новых членов и усиливающая свою целостность. В ЕС возникла некая доминанта правоты принципов, правоты подходов, правоты решений. Это свойство усиливающейся и развивающейся организации. Сложность связана с взаимодействием со своими членами, с различием интересов. Как преодолеть эту разобщённость? В чём-то посредством стандартизации, давления на не согласных, в каком-то смысле. И этот подход, который определяют сами члены ЕС, начинает отражаться во внешнюю среду, на взаимодействие с другими странами, которые не являются членами ЕС, не декларировали своё желание ими стать. Вот в отношении с Россией такая сложность имеет место быть. В чём-то она может отразилась в тех соглашениях, которые были в середине 90-х годов.

Но сейчас ситуация другая. Россия развивает своё собственное законодательство, она не ставит никакой цели в присоединении к механизмам ЕС. Тогда возникает вопрос, как в этой ситуации найти нужную степень взаимопонимания и единства.

У нас возник сложный вопрос и вот в чём эта сложность заключается. Разговаривая с экспертами ЕС, мы обсуждаем протокол по транзиту, это международное соглашение, тогда ЕС должен признать его как международное соглашение. Эксперты говорят такую вещь – мы сами уже часть международного права. Да, Вы часть международного права, отвечаем мы, но не нашего права. И для того, чтобы Россия взаимодействовала должно быть наднациональное образование. Это не просто. В чём-то это новая реальность, она частично воспринимается, как то, что Россия стала говорить немного другим языком. Да, может и стала, но в этом нет никакой агрессии.

Ещё один сложный вопрос – это страны бывшего СССР, транзитные государства, отношения с которыми носят переходный характер, они не рыночные, они особо обостренные в силу того, что резко возросли цены на энергоресурсы. Эти отношения краткосрочны, они обновляются каждый год. Ничего общего, как устроен энергетический бизнес вне этих стран СНГ, вопросов не имеют. В тоже время в общественном сознании строится какая-то единая картина, эта картина может не очень благоприятна для России. Но энергобезопасность и связанные с этим вещи – это вопросы реальных физических потоков, вопросы их восприятия. В этом отношении процесс только идёт и наверно в СПС энергетическая сфера будет очень серьёзно затронута.

Отсутствует картинка, какой будет европейский рынок, в конце концов, каким будет рынок через 10 лет? Я Вам скажу простую вещь. Одна из крупнейших ежегодных конференций по газу – это конференция в Амстердаме. И было очень интересно наблюдать на протяжении 10-15 лет, как менялись ощущения участников. Туда приезжает порядка 500-600 участников и очень хорошо видны тенденции. И там проводится пул – участники голосуют по определённому вопросу. Лет 6 назад опрос был такой – как Вы думаете, через 10 лет, сколько в Европе останется операторов транспортных систем? Варианты ответа – больше 10, 3-5, 1. Большинство участников проголосовало, что их будет не больше 3. Это поразило всех, так как речь ведь шла о том, что будет все диверсифицировано.

Теперь про российский внутренний рынок. Со стороны ощущение такое, что газовый рынок России – это что-то не понятное, что-то сильно монополизированное и правил там никаких нет. Со стороны это кажется таким образом. Эта картина, конечно, упрощенная и далёкая от реальности. На нем происходят большие изменения. Более того, моё убеждение, что европейский рынок и российский рынок и многие рынки движатся в сторону единой картины или к чему-то очень похожему на это. Это тоже интереснейший вопрос ближайшего времени. На российском рынке постепенно идёт либерализация, т.е. принято уже, что это модель двухсекторная, а сегментов в нем будет больше, т.е. регулируемый сектор (ГАЗПРОМ поставляет газ по регулируемым ценам) будет снижаться и увеличиваться доля свободного сектора. Да, он сильно монополизирован, но как избежать искажения рыночных сигналов, это вопрос, но ответ на него не безнадежный. На нем вводятся сейчас долгосрочные отношения и вводятся они по настойчивому предложению участников рынка, прежде всего электроэнергетических компаний. Оказалось, что реформа электроэнергетики преследует чисто рыночные либеральные принципы разделения энергетики по видам деятельности, выделение генерирующих компаний, сетевых и т.д. Вот эта реформа, которая делалась, прежде всего, для привлечения инвестиций, потребовала, чтобы на стороне поставки топлива были долгосрочные контракты, иначе инвесторы не идут в эту сферу. Мы знаем, что такие отношения характерны для газовых контрактов на международной арене.

Был большой спор с ЕС о том, что противоречит ли это либерализации. На каком-то этапе было согласовано, что нет, не противоречит и соответствующие уверения были в документах ЕС. Надо сказать, что в документах, которые выпущены Комиссией 10 января, практически нет упоминаний о долгосрочных контрактах. И если смотреть эмоционально на эти документы, то ощущение такое, что лучше бы их и не было. Тогда бы мы вернулись к той картине, которая была нарисована в головах с самого начала – маленькие игроки, которые очень активно конкурируют между собой. А развитие за эти годы идёт совсем не в этом направлении.

Что делать? Изменять правила, как-то их гармонизировать? Наверно это дело Европейской Комиссии. Но если под вопрос становятся долгосрочные контракты, то это бизнес отношения и это не придуманная вещь. Например, возьмём российский газовый рынок, на нём их не было, на нём они возникают, потому что это требование,

необходимость для инвесторов, для крупных участников этого рынка. Это часть повестки дня энергобезопасности.

Мы фактически наблюдаем, что в ЕК есть разные видения этого будущего. Есть прагматичное видение, есть идеологизированное видение. Благодаря Комиссии возникают различные документы, это дело Комиссии, но дело долгосрочного партнёра выражать свою озабоченность по этому поводу. Если побеждает идеологизированное видение, то разрушается база. Потому что картина, которую рисуют участники этого дела, она не отвечает интересам участников рынка, тогда это будут противоречия и будут кризисы.

В последнее время начались торги на российском газовом рынке. И будут в результате сочетания различных инструментов, т.е. будут долгосрочные контракта, будут среднесрочные. Вот как это все гармонизировать, это целый предмет деятельности для любого газового рынка.

Отношения между Россией и ЕС проходят сейчас в энергетической сфере сложный этап. Хотелось бы, чтобы в ходе консультаций с европейскими экспертами, наши партнёры сказали бы, что слишком много мегафонной дипломатии, т.е. когда обсуждаются не реальные проблемы, а некоторые посылы – кто громче, тот и прав. Это очень усложняет отношения ЕС и России.

Вопрос энергетической хартии и транзитного протокола очень много обсуждаются с различных сторон. В самой преамбуле к Хартии сказано, что она не предусматривает обязательный доступ третьих сторон. В любом варианте транзитного протокола в преамбуле сказано, что не предусмотрен обязательный доступ третьих сторон к объектам инфраструктуры. Тем не менее, даже в официальных документах ЕС было сказано о том, что ратифицируйте Европейскую хартию и станет лучше, потому что обеспечится доступ к российской транспортной инфраструктуре. Понятно, что это вызывает соответствующую реакцию, поскольку изначально это не предусматривает сама хартия и транзитные протоколы, а обсуждения ведутся.

И завершая. Мне кажется, что действительно есть некоторые очень серьёзные проблемы. Они объективного характера. Например, прежде всего, переходной характер энергетических реформ в обеих сторонах, вообще отсутствие на сегодняшний момент базовой модели – какие рынки будут. Проблемы на стороне ЕС – формулирование ясной концепции, идеологический подход к тем или иным вопросам. Я не скажу, что такого нет на российской стороне, просто нас в данном случае волнует ситуация с партнёрами.

Что касается Латвии, а Латвии очень развита газовая инфраструктура, когда-то она была частью инфраструктуры СССР и среди нас единые системы газоснабжения. Как она может использоваться, какая ей роль в нынешних обстоятельствах? Наверно это очень интересный вопрос. Почему? Потому что теперь это часть уже европейской инфраструктуры. Спасибо».

Виктор Калюжный, посол России в Латвии

«Учитывая, как завязался разговор, хотел бы внести некоторую ясность и опуститься на практическую землю, так как живём все равно на практической земле, летаем на самолётах, а потом все равно садимся на землю.

Во-первых, я благодарен организаторам, что есть возможность выступить, что они рискнули затронуть эту тему. Потому что это полезный диалог.

Если говорить об энергетике, то здесь очень важно понять термин «производитель» и «потребитель». Это одно связанное звено. Россия – это производитель, а ЕС – потребитель. И это сегодня нельзя разделить, мы должны это дело понять.

Я хотел бы оттолкнуться от двух основ в практической плоскости. Первая, в той ситуации, в которой мы находимся сегодня в энергетике, надо закончить заниматься энергетической политикой, а надо заняться практической энергетикой. Почему я об этом говорю? Потому что мне посчастливилось 4 года работать на Каспии, когда я туда пришёл, было 8 лет тишины, политики было много, а реальности никакой. За 2 года мы ратифицировали все необходимые документы для трех стран – России, Азербайджана и Казахстана. Когда мы встретились с президентом Назарбаевым, я ему сказал, что надо эту проблему забрать у политиков и отдать практикам, тогда эта проблема сразу решиться. Он ответил, что правильно ты думаешь, и мы эту проблему решили за 2 года. И ещё один совет мне дал один из моих руководителей, он стал основой моей жизни. Он говорил: «Никогда не участвуй в делёжке, ты сделай все, чтоб было, что делить». И сегодня в этом плане мы должны понять, что же мы все-таки делим и что у нас в перспективе.

Если мы говорим о России, то не все так безоблачно впереди и, в первую очередь, не безоблачно только в том плане, как себя ведёт ЕС в этом плане. Он решает политическую основу этой проблемы, а от практической он ушёл и с учётом оценки того, что происходит сегодня в мире, то, что было в 2000 году и то, что в 2006 году – это разные вещи.

Сегодня на востоке появился конкретный рынок Китая с растущей потребностью, туда сегодня уходит Россия, туда сегодня уходит Казахстан.

Сегодня надо понимать, что основные потребители падают с добычей, а ближний Восток ещё в каком-то смысле держится. И надо понимать, что нефть, газ – это практически не возобновляемые источники. И для меня смешно, когда я читаю основу лежащей Еврокомиссии энергетической политики, когда они говорят, что к 2020 году в Европе вырастит потребление газа в 2 раза. Ну и слава Богу, считайте на здоровье, только где Вы его возьмёте, если все будет так, как мы планируем и говорим. Германия хочет уйти от угля, но сегодня даже в России ресурсы угля колеблются в расчётах от 400 до 800 лет, а нефти и газа – от 10 до 80, то каким образом это все будет развиваться?

Россию сегодня все критикуют, что она такая ресурсная страна и сидит только на одних энергоресурсах. Россия сегодня добывает 450-470 млн. тонн нефти при объёме внутренней переработки 260. Вы посмотрите, что ждёт впереди, если Россия упадёт до 300-400 млн., что останется в Европе? Половина уйдет на Восток, а половина в Америку, учитывая, что нефтепровод Баку-Джейхан, это американское направление. Сегодня северные терминалы, даже в России, работают на американский континент. И в этом отношении я не понимаю, что останется в Европе. Конечно, нужно думать и решать, что делать, должен быть баланс энергоресурсов - сколько мазута и сколько угля в электроэнергетике. Максимум 30% должно быть газа, никаких 100%, иначе просто газа не хватит. Конечно, всем бы хотелось газ, но сегодня есть и другие технологии, которые можно использовать. ЕС должен четко определиться в своих позициях в энергодиалоге с Россией, уберечь все, что мы имеем на этом континенте, чтобы ЕС максимально это использовал.

Не приятно, что мы сегодня даже босфорскую тему фактически закрываем под вопли «зелёных» и всего остального, хотя там абсолютно никакой опасности нет при сегодняшних технологиях и техники. Мы фактически даём возможность вывести транспортные потоки на другие танкера, другие ёмкости для того, чтобы они ушли мимо Европы.

Нам надо объединиться в путях решения тех проблем, не собственной безопасности, а коллективной и реальной безопасности, иначе в любом случае это война, потому что у кого-то есть, у кого-то нет, и начинается то, что сегодня происходит, когда Россию обвиняют во всех грехах, что Россия монопольна, Россия диктует и т.д. Монопольность России определена её природными ресурсами или Господом Богом и не более того. А то, что у России есть, она сегодня и предлагает. А диктуют условия в какой-то степени покупатель или транзитные территории. Сегодня Россия самой тяжело отбиваться в этих условиях, когда транзитная ситуация достаточно тяжелым бременем ложиться на голову российской политики.

Ещё раз хотелось бы обратиться к реальности и не отказываться ни от чего. Если это уголь, значит уголь, если это мазут, значит мазут, если это газ и древесина, нельзя и от этого отказываться, потому что это исторически так сложилось, и если это атомная энергетика, то, я думаю, что это двоякое мнение относительно взгляда на её будущее. Перспектива есть, ей надо заниматься. Другое дело – как, с кем и кому? Потому что достаточно анекдотично выглядит, когда собрались трое бедняков и решили построить атомную электростанцию.

Перспектива относительно базы электроэнергии достаточно сложная. Я всегда говорил и говорю, что нефть есть везде, другая проблема, это сколько она стоит. Учитывая то, что затратная часть будет расти и неслучайно, а в первую очередь в газовом транзите. Неслучайно сегодня Запад начинает массово строить газовозы для того, чтобы исключить транспортную схему из наземного и перевести через сжижение на воду.

Еще раз повторюсь для ЕС, что это мимо ЕС. И это надо помнить. ЕС должен понять, что Россия это тот главный и верный партнёр в этой стратегии. И хватит всех пугать Россией. ЕС нужно отойти от двойных стандартов в отношении к транзитным странам и в отношении к ЕС. Если это будет, то ЕС с Россией и России с ЕС делить нечего!».

Александр Погорельский, доктор экономических наук, директор Института Восточной Европы, член Экспертного совета РИА «Новости»

«Прежде всего, я хотел бы поблагодарить организаторов форума, здесь очень хорошо подобраны выступающие и дискуссии идёт в нужном направлении.

Сегодня господин Григорьев говорил о том, что разговоры об энергетике и энергобезопасность имеют две формы. Это разговор профессионалов о том, как идёт процесс, либо разговор политиков. Я хочу сказать, что когда действительно попадаешь на такого рода мероприятия, вдруг понимаешь, что люди как бы живут в разных мирах. К сожалению, я категорически против того, чтобы политическая составляющая этого процесса игнорировалась, если это, конечно, не политиканство или предвыборный пиар, потому что политика всегда напоминает о себе. Дело в том, что на самом деле трудно заставить государство или группу государств не использовать какие-либо свои преимущества. Вы наверно помните, как накануне 11 сентября на Западе раздавались очень серьезные предложения, чтобы, наконец, наступил баланс в энергетике и можно теперь организовать анти-ОПЕК и давить на страны-производителей, как в смысле цены, так и в смысле улучшения демократического климата в этих странах.

Ясно, что страны, в том числе любые государства на планете Земля, имея некоторые финансовые, военные, политические или географические преимущества, всегда их используют. Сегодня картина переменялась. Сегодня в такой роли пытается выступить Россия – использовать свой экономический потенциал и свои экономические преимущества. Я исхожу из того, что эта политика и эта концепция энергетической империи, на самом деле, глубоко ошибочна и нереализуема. В этом главная сегодняшняя проблема российской политики, потому что риторика, которая

используется в этом случае, вредит реальному процессу и взаимопониманию в этой области. Дело даже не в том, что люди используют какие-то критерии империи, которые однозначно предполагают неравнозначные отношения. А дело в том, что эта империя не возможна по существу, потому что Россия стоит перед огромными проблемами в топливно-энергетическом комплексе. Дело в том, что мы по-прежнему проедаем запасы, созданные СССР, у нас добыча на крупных месторождениях падает, повышается удельный вес на мелких месторождениях. Возникают сложности. По сути дела в ближайшие годы закончится так называемый сенамский газ, из-за чего придётся в десятки раз повышать капиталовложения на добычу.

И тут я хочу обратить внимание на это, поскольку взаимозависимость между Европой и Россией очень сильно увеличивается. Мы говорим о взаимозависимости, не понимая, насколько это серьёзно. Дело в том, что те капиталовложения, которыми располагает сегодня Россия, тот инвестиционный потенциал, даже близко не соответствует масштабу тех задач, которые стоят сегодня перед Россией. Даже если норма накоплений будет изменена в лучшую сторону, а это потребует серьёзных институциональных изменений, что само по себе является сложной задачей, даже тогда этих ресурсов не хватит, нам всё равно придётся привлекать инвестиции извне, притом инвестиции это не просто суммы денег, а, в первую очередь, современные технологии, потому что у нас 2/3 запасов находятся в труднодоступных районах.

Мы практически сегодня сами не обладаем технологией сжижения газа и только подходим к этому, что связывает нам руки, потому что сегодня системой трубопровода мы тесно привязаны к Европе. И тут у Европы колоссальные преимущества, но к счастью или сожалению, временные. В связи с этим, я думаю, проблема российской нефти и газа становится европейской проблемой. И без понимания этого вопроса мы не двинемся дальше.

Что важно. У России очень энергоёмкая экономика. Ясно, что при такой экономике мы не будем способны увеличить экспорт энергоносителей на Запад. При этом роль Европы во внедрении современных технологий в энергосбережении может быть колоссальной.

У нас начинает не хватать газа из-за газификации села. На самом деле, с моей точки зрения, нет более безумной задачи, как газификация села. Украина сегодня в силу некоторых обстоятельств отказалась от этого проекта. А Украина потребляет 77-78 млрд. кубических метров газа, тогда, как Польша потребляет в 4 раза меньше. Они жили на дешёвом российском газе и проводили ту же политику, которую проводим мы. Одновременно у нас гниют колоссальные гектары берёзы, та древесина, которая использовалась для отопления в сельских районах. Мы превращаем свою страну в болото, а на самом деле технологии использования этой древесины в современных котлах известны, их внедрение не требует больших капиталовложений. К сожалению, мы идём под популистическим лозунгом на то, чтобы создать обстановку, когда мы всех газифицировали и все прекрасно живут. На самом деле это очень важно.

Ещё я бы хотел сказать о ценах. Тут говорили о хорошем монополисте. Но я смею заметить, что хороших монополистов не бывает, либо это монополист, либо нет. И что самое главное, это пока плохо понимается в странах транзита, что цены на газ также объективны, как и цены на нефть. Если есть другой покупатель на товар, то и цена будет такой, если есть конкурирующий производитель, то цена будет такой. Без понимания этого вопроса мы дальше не двинемся.

Мы реально содержим целую группу постсоветских стран, ясно, что их все равно кто-то будет содержать, но надо расставить все точки над «и», посчитать деньги и сказать помогаем ли мы им реально или находимся в равноправных условиях. Я считаю, что Россия сегодня оказала колоссальную услугу Европе, упорядочив отношения с транзитными государствами. Потому что все понимают, что транзитные государства

это не проблема России, это, опять же, проблема Европы. Сегодня, поставив их, так или иначе, в коммерческие условия, мы, во-первых, не вводя эти цены одновременно, дали им шанс вводить энергосберегающие технологии, постепенно выходить на нужный режим потребления энергии. Мы в данном случае сделали самую грязную работу. По сути дела, сегодняшняя российская власть выполнила очень важную и неблагодарную работу, она всех поставила в рыночные условия и все её приемники будут находиться в очень хороших условиях. Я считаю, что это колоссальная роль, которая выполнена сегодня как для России, так и для Европы.

Ясно, что в отношениях последнего кризиса с Белоруссией, мы столкнулись с позицией встречной или двойной монополии, когда монополия производителя энергоносителей столкнулась с монополией транзитных государств. Это опасная ситуация, но она правомерна и оправдана. Если у нас нет более дешёвых обходных путей по отношению к Белоруссии, мы вынуждены идти на те условия, на которые мы пошли. И тот компромисс, который достигнут, он имеет объективные и очень важные последствия, хоть и найдено решение временное и неустойчивое, оно имеет очень важное значение. Одновременно Белоруссия показала, что она является на сегодня единственным суверенным государством в Европе. Потому что она могла вводить такие налоги, которые нигде не приняты, но как суверенное государство она имеет на это право.

В завершении отмечу, что нам трудно предсказать динамику политических режимом в Восточной Европе и изменения в самой Европе, но я уверен, что мы обречены на очень последовательные и обязательные сбережения в экономической сфере. Без втягивания России в структуры ЕС, я считаю, что у Европы в энергетическом плане очень печальное будущее».

Дэвид Дюссолт, исследователь, Eurasia Energy Group, Хельсинский Университет (Финляндия)

По техническим причинам текст выступления не доступен

Алф Ванагс, директор Балтийского международного Центра изучения экономической политики (VICEPS) (Латвия)

По техническим причинам текст выступления не доступен

Петерис Винкелис, эксперт внешней политики (Латвия)

«Поскольку я не являюсь экспертом в области экономики, я коснусь больше политических аспектов энергетической взаимозависимости России и ЕС. Я согласен с господином Ванагсом, что в Латвии в последнее время речь шла о том, что российская внешняя политика обслуживает экономические интересы, что российские государственные компании обслуживают интересы российской внешней политики. Мне кажется, что главный приоритет внешней политики это увеличение cash low в российских компаниях и государственной кассе.

Я так же хочу согласиться с господином Калюжным, который говорил о коллективной безопасности энергетики. На мой взгляд, там ключевыми словами являются ГЛОБАЛЬНАЯ ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТЬ, в том числе и в Латвии, и в России, и ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБНОВЛЁННЫХ ЭНЕРГОРЕССУРСОВ. В случае с Латвией, это уравнение энергетической безопасности, разнообразие поставщиков, интеграция в

общий рынок ЕС и удельный вес местных энергоресурсов. Если посмотреть на интересы российских компаний, то он заключается в лучших ценных на энергоресурсы, прогнозируемых объёмах, долгосрочных контрактах и в участии предприятий, которые распространяют и поставляют продукт до потребителя энергии. Говоря о совместных интересах, на мой взгляд, в Латвии внутреннеполитически важным является то, что наша стратегическая цель – это все же двигаться к большей энергоэффективности, к большему удельному весу местных энергоресурсов в нашем балансе энергии. Поэтому, на каждый новый проект, которые обсуждаются, например, относительно совместного проекта России и Латвии в энергетической области, нам надо иметь в виду этот аспект. Я, как избиратель, задам вопрос: «Какую пользу принесёт реализация этого проекта?». Достижение энергоэффективности и обновление энергоресурсов? Возможно, что одним из ответов будет решение через разделение финансовых ресурсов. Проекты, которые базируются на использование импортированной энергии в ЕС, назовём их долгосрочным энергетическим фондом, способствует эффективным решениям в сельском хозяйстве и в увеличении удельного веса местной энергии в сельском хозяйстве. Как это сделать, это технический вопрос. Но мне кажется, что должны быть приложены финансовые инструменты в каждом проекте в отношении с российскими партнёрами. Даже если это будет дороже для латвийских потребителей, что обязательно будет, но долгосрочная энергия стоит денег. Спасибо».

Игорь Юргенс, председатель Совета директоров, банк «Ренессанс капитал»; председатель Правления, Центр развития информационного общества (РИО-Центр) (Россия)

«Я хотел бы поговорить о практических рекомендациях нашего круглого стола. Мы являемся институтом гражданского общества, которой почти 10 лет на этом рынке, у нас накоплена определённая экспертиза. Мы имеем право выступить к правительствам наших стран, к ЕС, к РФ и к Латвии, с такого рода рекомендациями. Мне кажется, что рекомендация, к которой пришли практически все выступающие, сводятся к следующему - ЕС это рынок потребителя, который хочет, чтобы на этот рынок вышло, как можно больше источников энергии и на конкуренции между ними для потребителей падала цена. Нет долгосрочных контрактов, много входящих потоков – это очень выгодно. Для России и Норвегии это рынок производителя, который заинтересован в долгосрочных контрактах, чтобы было понятно какая роль капитала пойдёт на геологическую разведку, на инфраструктуру и т.д., и без которой невозможно рассчитать дальнейшее потребление. С одной стороны, добычу и долгосрочный баланс, с другой. Между рынком потребителя и рынком поставщика есть противоречия, которые примеримы, но только в том случае, если над этим противоречием кто-то постоянно работает. Именно об этом господин Фейгин и говорил. Стандартизация тех процессов, которые должны соблюдаться при поставке, при потреблении и по всем правилам игры этого сложного рынка, абсолютно необходима. Если в случае с биржевыми товарами, такими, как нефть, дело все-таки полегче, то в случае с не биржевыми товарами, такими, как атомная энергетика, газ, вопрос очень сложный. Кем этот вакуум должен быть заполнен в отношении России и ЕС, в частности Латвии, как страны очень важного для нас транзита. Говорят, что он заполняется регулярным энергодиалогом между ЕС и Россией, который с регулярностью в пол года проверяется перед соответствующими саммитами.

Как участник процесса с бизнесстороны, могу Вам доложить, что это не совсем так. Например, в 2000 году ЕС и Россия доверили коммерческий энергодиалог бизнесструктурам. Мы образовали «круглый стол» бизнеса Европы и России. Та подсекция, которую я возглавлял, инвестиционный комитет, должна была заниматься энергодиалогом и все основные игроки - British Petroleum, Shell, ГАЗПРОМ и другие, должны были принимать в этом участие. Я, как председатель комитета от бизнеса, сидел с 25 заведующими отделами энергетики соответствующих министерств и они мне, от Польши до Эстонии, выдвигали требования к России, как люди, назначенные

своими правительствами. На вопрос - Каким образом произошла подмена межкорпоративных диалогов в области энергетики на диалог только с функционерами, причем не принимающих конечных решений, ЕС ответил, что дело в обсуждении энергетических балансов и энергетического диалога слишком важное для того, чтобы делегировать это частным компаниям. Это была твёрдая позиция ЕС. Когда несколько функционеров с нашей стороны и чуть большее количество, помноженное на 25, функционеров с европейской стороны ведёт этот диалог, происходит смешение тех понятий, о которых сегодня говорил господин Григорьев. На одном уровне постоянно идёт политическая дискуссия, которая приносит очень много непонятого в чистую энергетику, о чем говорил господин Калюжный, с другой стороны, до компаний не доходят такие сигналы. Так вот, до тех пор, пока не возникнет реальный диалог тех, кто производит, тех, кто потребляет, тех, кто должны быть удовлетворены энергетической хартией, транзитным протоколом к ней, и всем остальным стандартным решениям, до той поры мы и не будем понимать точно, как структурировать отношения между ЕС и РФ с точки зрения производства и потребления энергопотребителей.

Поэтому, одним из заключений нашего стола, я считаю, должно быть следующее. Необходимо заключение международного, обязательного для выполнения сторонами соглашения по производству, транзиту и потребления энергоносителей, в первую очередь, не биржевых. Оно может быть в рамках энергетической хартии, но вопрос очень осложнён действиями политических структур. И поэтому одной из наших рекомендаций должна быть разработка такого рода механизма, с включением таких неправительственных организаций. Как наша и, безусловно, производителей, будь то частные, будь то государственные. Да, это трудно, но я не думаю, что есть замена этому, иначе мы всегда будем наткаться в целый ряд нестандартных решений, которые выходят за рамки прописанных протоколов, а для политиков – это смерть.

Поэтому прошу учесть мою точку зрения, что такого рода обращение от имени нашего Балтийского форума необходимо».

Андрей Свалов, Рижский Технический Университет

По техническим причинам текст выступления не доступен

Эдвинс Карнитис, член совета комиссии по регулированию общественных услуг (Латвия)

«Я буду говорить как эксперт и со стороны политического мнения и со стороны экономического мнения в этих энергетических процессах. Я не буду дискутировать о том, что является прагматичным, поскольку эта дискуссия мне напоминает разговор о яйце и курице.

Расскажу о некоторых вещах, о которых мы уже говорили сегодня, но в своём видении.

Во-первых, начну с названия нашего семинара. Если честно, то мне совершенно не нравится в этом названии слово «зависимость». Я вижу заинтересованность, мотивацию с обеих сторон, но я не вижу зависимости. Да, у России есть товар для продажи, но она его может продавать во все стороны, вопрос в том, что Европа это стабильный платежеспособный клиент. Конечно, это все интересно, но ЕС не является единственным клиентом. Все равно в Европе этот энергетический источник не единственный, в связи с этим у Европы есть заинтересованность, но не в коем случае не зависимость. Мне кажется, что это преувеличено.

Какой же может быть интерес Латвии во взаимном интересе двух больших игроков? Во-первых, электричество. Мы уже сегодня говорили, что между Россией и ЕС существует соединение электросетей. Оно существует в Финляндии. Соединение, которое построено из Эстонии в Финляндию, честно говоря, есть, но оно тонкое. Респективно, для того, чтобы увеличить стабильность двух сторон, чтобы сделать менее значимой нехватку генерирующих мощностей, которая существует как на востоке, так и на Западе, конечно, соединения способны помочь этим проблемам, поскольку потребление никогда не бывает одинаковым и если ветер дует с одной стороны, то с другой его нет. Поэтому, обе стороны должны быть заинтересованы в более мощных соединениях восточных и западных сетей, должны инвестировать в эти сети. Здесь появляется и наша заинтересованность, как страны, у которой есть дефицит генерирующих электрических мощностей. Мы очень заинтересованы во внедрении стабильного игрока в наш энергетический рынок.

Во-вторых, газ. Вопрос о Добелском хранилище уже столько раз обсуждался, что можно подумать, что уже и нечего добавить ко всему сказанному. Я могу сказать, что Инчукалнский опыт нам показывает, что, с одной стороны, Инчукалнс работал и на северо-западные области России в зимний сезон. Очевидно, что это является причиной того, что у нас был мягкий переходный ценовой процесс. Но он закончился и последние цифры показывают, что мы платим за газ столько же, сколько платит Западная Европа. Очевидно, если дополнительные хранилища могут минимизировать эти сезонные деференцированные газовые поставки, которые имеют место быть и будут, и если эти хранилища намного ближе для потребителей, чем сибирские прииски, понятно, что это бизнес двух сторон, и Европы, и России, и опять же это и интерес нашей страны.

В-третьих, сжиженный газ. У меня сложилось впечатление, что Россия не оценила сжиженный газ. То, что у нас входящие цены на сжиженный газ поднимаются стремительно вверх только, если происходят какие-либо проблемы на производстве, это показывает то, что с этими резервами и возможностями использования может быть гораздо лучше, как со сжиженным газом, так и с нефтегазом. Надо отметить, что не только мы, но и Европа очень заинтересована в сжиженном газе, речь идёт о терминалах сжиженного газа в Западной Европе, в Польше, а также и Балтийские страны начали философствовать на эту тему. Опять же, если найдутся большие игроки, то и у нас появится большой интерес.

Здесь также уже упоминалось о том, как Россия использует доход, полученный от энергетики. Скажу честно, и здесь у нас есть стабильный интерес, поскольку Латвия, также как и другие страны Балтии, определила свою политику в этом регионе – развитие дороги вокруг региона Балтийского моря, основанное на знаниях. И в этом общем регионе мы видели задействованными и Петербургскую обл. и Калининградскую обл. Наш интерес, чтобы и там проходила эта дорога, чтобы там появлялись не только продажа топливных ресурсов, но и все, что связано с инновациями и др. вещами. И поэтому Норвежская модель – как использовать энергетический доход, может быть интересна и России. Если она такую изберет, то нам от этого станет только лучше. Энергоресурсы есть и будут достоянием каждого государства, политическое достояние каждой страны, это национальное богатство, которое каждое государство использует и будет использовать».

Рейнис Аболтиньш, руководитель проектов Baltic Communication Partners (Латвия)

«Я тоже принимаю участие во многих проектах, которые связаны с энергетикой, так же принимаю участие в LATVENERGO, который является латвийским крупнейшим производителем электроэнергии.

Некоторые заметки по поводу сегодняшней дискуссии. Были упомянуты два важных термина – риторика и прагматичность. Я думаю, что эти термины очень важны в сегодняшнем разговоре. И эти термины взаимозависимы.

Прагматичность – это то, что ЕС необходим России как хороший рынок, это понятно. В ЕС, в свою очередь, растёт спрос на электроэнергию, электроресурсы. И ни что не свидетельствует о том, что этот спрос может уменьшиться.

Риторика в последнее время все больше начинает походить на международные теории о гарантированном взаимном уничтожении. Я полагаю, что это неотъемлемая часть этих отношений и это надо принять как реальность. Парадокс риторики и практики заключается в том, что эти два элемента «черпают вдохновение» один у другого. Есть какие-то события, на которые мы реагируем, появляется риторика, на которую мы опять же реагируем с другими прагматическими событиями. Практика со стороны ЕС такова, что спрос на энергоресурсы и электроэнергию, как я уже говорил, растёт и существует много решений, которые ЕС реализует, особенно в последнее время. Как чисто прагматично справиться с этим? Первое – это экономия, энергоэффективность, новые технологии, которые требуют больших и серьёзных инвестиций. Второе – это новые генерирующие мощности. Существующие мощности ЕС устарели, их надо обновлять, особенно это касается промышленности.

Каковы же возможности? Конечно, поставки российского газа и нефти останутся, но можно строить комбинированные газовые станции, о чем ведется много дискуссий в различных странах, также и в Латвии.

Где появляется риторика? Риторика, это то, на что нельзя обижаться. Например, традиционный крупнейший поставщик может и хочет обеспечить три вещи, о которых говорил господин Фейгин. Здесь уже упоминалось, что существует два важных аспекта в отношениях ЕС-России. Первый, будут ли российские мощности достаточными, чтобы можно было поставлять необходимые энергоресурсы в ЕС. Второе, не будет ли каких-либо условий в обеспечении поставок.

Также очень важным является восприятие различных событий. Например, как оценивать противоречивое отношение поставщиков к природному фактору. С одной стороны, инвесторам обеспечены не очень хорошие рабочие условия в проекте Сахалин-2 и в других месторождениях газа. С другой стороны, страны ЕС беспокоятся о природном факторе в строительстве газопровода Балтийского моря. Прагматичность в этой ситуации заключается в том, что надо понимать, что генерирующие мощности, по крайней мере в странах Балтии, не смогут компенсировать растущий спрос. Так же прагматичным является то, что впереди большая часть потребителей стран Балтии вряд ли захотят и будут в состоянии платить за очень «зелёную» энергию. Спасибо».

ДИСКУССИЯ

Янис Урбанович, президент Балтийского форума

«Уважаемые участники форума! Мне хотелось бы поделиться с Вами двумя, тремя мыслями.

Когда мы готовили эту конференцию, мы так же, как и Игорь Юргенс делали акцент на то, что мы не фаталисты, мы также и не пессимисты, мы считаем, что никогда не может быть совсем плохо. Мы делаем акцент на то, что, скорее всего, существуют ещё не продвинутые возможности, которые мы можем использовать. Слушая наших участников, особенно гостей из России, возникло несколько мыслей. Во-первых, энергетическая экономия, как сказал Петерис Винкелис, это не проблема Латвии, это проблема для всех, и тех, у кого её много, так как если они экономят, то у них есть,

чем торговать. Для нас это острая проблема, но это наша проблема здесь в Латвии. Очевидно, об этом надо не только говорить. Но и думать каждый день. Единственное, мы можем согласиться с тем, что если у кого-то все удачно получается, то мы с удовольствием последуем этому опыту. Если в Латвии будет самодостаточная модель энергии, которая сможет расти, производить и развиваться, будет великолепно. Но очевидно этого не произойдет, пока мы все не посеем и все ли мы доживём до этого момента. Это первая реальность.

Вторая реальность заключается в том, что, к сожалению, мы не являемся теми, кто может диктовать или предложить и гарантированно прийти к реализации своего предложения в отношениях ЕС и России. Очевидно, нам необходимо пробовать использовать и положиться на те эвентуальные изменения, которые происходят. Для этого и существует этот форум, чтобы мы могли все это почувствовать.

Необходимо помнить, что есть вещи, которые можно сделать, вещи, которые нельзя сделать и вещи. Которые есть смысл попробовать сделать. Наверно, есть смысл пробовать нам здесь в Латвии включиться в диалог России и ЕС, таким образом, с такой целью, чтобы мы в нем проецировали, искали и создавали свое место. Но, в любом случае, я хотел бы напомнить коллегам, которые говорят, что ЕС и Россия являются абсолютно зависимыми друг от друга, что нет альтернативы в России поставлять энергоресурсы в ЕС, включая нас. Для Латвии это достаточно известный факт, когда многие предприятия сказали, что нет альтернативы, мы здесь можем делать, что хотим, но нефть течет. Прозвучал голос из России, что прекратите поднимать тарифы, прекратите то и то, рисовать нетранспорентные схемы, мы уйдем из этого рынка, есть альтернативы, если нет, то создадим. Мы смеялись над этим, ну и получили. Это, конечно, может быть не является самым живописным примером. Также боязнь, которая часто идет из Москвы – другие рынки, Китай и т.д., она сегодня не актуальна. Но считать, что в наше время есть что-то без альтернативы – это абсолютно инфантильное мышление. 10-15 лет и все может измениться.

Что очень важно для нас? Мы не можем быть интересным хорошим потребителем энергоресурсов, ну не можем мы. У нас многого не хватает, но мы не можем быть интересны различным поставщикам, странам-поставщикам, производителям, которые будут конкурировать за поставки в нашу страну, конечно нет. Что мы можем делать? Мы можем попробовать найти очень выгодное и потребителям больших стран ЕС, и поставщикам, и производителям своё восприятие гарантированных качественных услуг этого продукта. Нам не надо стыдиться того, что мы маленькие, так как мы можем быть легче. И, с другой стороны, нам надо радоваться нашему географическому положению.

Для Латвии очень важен аспект транзита энергетики и все другие аспекты в этом смысле, которые затрагивают Латвию.

Есть смысл продолжать эту дискуссию не только с экономической точки зрения, но также и с политической. В мае этого года мы обязательно будем говорить об этом».

Виктор Калюжный, посол России в Латвии

«Уважаемые друзья и коллеги! Я хотел бы, чтобы Вы услышали, о чем говорил Игорь Юргенс. Он фактически свел в едино то, что нам нужно и в каком направлении двигаться, на примере круглого стола в рамках ЕС.

Во-первых, надо жить сегодняшним днём и не надо откладывать то, что можно сделать сегодня. Мы привыкли дискутировать очень красиво и много, а в результате получается разговор глухого со слепым. И когда Россия не побоялась посадить практических людей, как сказал Игорь Юргенс, и сказала, давайте посмотрим, как это решить, деловая Европа посадила людей, которые не в состоянии это решить. Тогда

возникает вопрос – нужно это Европе или нет. Я думаю, что конечно нужно, но я ещё раз обращаюсь к времени, жизнь то одна. И на примере Латвии я хочу сказать к потере времени. Вентспилская труба стоит, это по-разному можно оценивать, но сам факт, что она стоит. А в основе лежал принцип - придут, не пришли. В это время появился Приморск. Не смотря на то, что отношения сейчас улучшаться, пожмем друг другу руки, начнем понимать и двигаться на встречу друг другу, а время ушло и уже это направление запустить достаточно сложно, оно становится очень дорогим с точки зрения реализации этого вопроса. Точно так же и в той глобальной энергетике во взаимоотношениях с ЕС. Нужно каждый день делать практический шаг, вкладывая слово в дело. Если это мы поймём, то мы выиграем, если мы опять ударимся в дискуссию, у которой будет начало и не будет конца, то я думаю, что за это время и энергоресурсы закончатся, а мы все будем дебатировать. Поэтому я хочу, чтобы Вы ещё раз обратили внимание на то, что сказал Игорь Юргенс относительно того, что мы должны сесть, деловые люди и по деловому понять, что нам нужно на этой площадке. Поймем, значит выиграем, не поймем, значит кто-то появится более интересный на этой площадке, потому как таких людей много».

Игорь Юргенс: «Когда посол моей державы поставил меня в пример, я не могу не сказать, что, во-первых, согласен с послом, а во-вторых, не могу не выступить с одним конкретным предложением.

Я выступал с первым предложением, т.е. обращением к правительствам о расширении круга экспертов, работающих над дополнениями и изменениями энергетической хартии и транзитного протокола. Вот, что я имел в виду в первом своём выступлении. И абсолютно уверен, что так и надо поступить, потому что те силы, которые сейчас задействованы, по крайней мере с российской стороны только в министерстве энергетики и промышленности, не достаточны для того, чтобы понять эту ситуацию в целом. Возобновляю своё это предложение.

И второе предложение. Мой коллега и друг Янис Урбанович анонсировал, что наш ежегодный форум будет заниматься более или менее этой же проблематикой, но в большем преломлении к транзиту и места Латвии. Обращаюсь с предложением и к РФ, и к Латвии, и к ЕС. Давайте поднимем какой-нибудь трёхсторонний грант, берусь об этом разговаривать и в Москве, на разработку идеальной модели транзита в рамках Северного измерения. Мы это можем сделать.

Я член наблюдательного совета Балтийского экономического форума. В штаб-квартире в Копенгагене мы собираемся каждый год, прошло всего 12 форумов, каждый год мы говорим, что такое Северное измерение и его преломление к энергетике и каждый год мы понимаем, что продолжения действий нет. Северное измерение, как проект ЕС, имеет сейчас бюджет около 2 млрд. долларов. Северное измерение много хорошего сделало для России: очистные сооружения Калининграда, очистная станция в Санкт-Петербурге, сброс вод в Балтийской море теперь на 70% очищен и т.д. Но сегодня коллеги из Финляндии говорили о том, что и у Северного измерения, и у Финляндии, и у стран Балтии, и у северных стран есть свои интересы и в энергодиалоге. Если мы не можем замахнуться на весь энергодиалог ЕС-России, то мы точно могли бы, используя грант ЕС и России разработать к маю рабочую группу и начать работать над идеальной моделью энергетических потоков России – ЕС в преломлении к Северному измерению, только в этом регионе.

Что такое идеальная модель? Мы её не навязываем, но, посчитав её математическими методами и доступными нам транзитными путями, мы могли бы её предложить сначала Совету глав стран северного региона Балтийских государств, потом более в мировом масштабе.

Отвечая господину Калюжному на его совершенно справедливый призыв – давайте что-нибудь конкретное делать, вот моё конкретное предложение. Я как сопредседатель Балтийского форума обращаюсь к Янису Урбановичу, Янис должен это прокачать в Латвии, я должен прокачать в России, посол нам в этом поможет, финские наши коллеги пускай поднимут этот вопрос в северном измерении. Давайте сделаем идеальную модель транзита через северный регион, если мы не можем сделать остальную большую Европу!».

Сергей Кулик, Начальник Департамента по развитию отношений с Европейским Союзом Администрации Президента РФ (Россия)

«Я хотел делать другие комментарии по выступлениям, но так как Игорь Юргенс как обычно всегда хватает одну из центральных и узловых тем, а также эту тему привязывает к одному из вопросов, в данном случае по транзиту, то я хотел бы всё же несколько слов сказать относительно проблем механизмов диалога, в данном случае по энергодиалогу.

Механизм действительно очень важен, потому что, что касается целей, задачи условно энергодиалога, они прописаны. Если мы берем энергодиалог России и ЕС, почитайте совместные заявления Брюссельского саммита 2001 года. Мы имеем энергетическую стратегию, господин Григорьев великолепно затронул эту тему. У ЕС тоже есть. Другое дело, что некоторые вопросы они уже вчерашний день и необходимы новые документы, чтоб эти вопросы модернизировать. Некоторые вопросы не соответствуют сегодняшней реальности. Для меня, например, не понятен вопрос, что там делается с либерализацией энергетического рынка в Европе. Поэтому какие-то вещи есть, но эти дополнения необходимы в рамках серьёзного экспертного диалога или каких-то механизмов диалога.

Я позволю себе привести очень крайний пример, в некотором определенном смысле он мне напоминает экспертные прогнозы по энергетическим проблемам. В конце сентября 2001 года я зашёл в президентскую библиотеку и взял за последние 12 месяцев основные журналы, типа Foreign Affairs, Foreign Policy, и посмотрел, что было в них по терроризму за последние 12 месяцев. Из 20-25 журналов я нашёл две статьи и одну аннотацию к книге, притом, что в России уже много было написано по терроризму. Вот определённно какая-то такая вещь произошла в сфере энергетики, т.е. многие вещи не были предсказаны заранее, но я в данном случае не имею в виду за год-два, а заранее. Когда нет определённых серьёзных прогнозов, которые доходят до механизмов принятия решений, начинает рынок в определённом смысле трясти. Поэтому эти механизмы, где объединяются независимы эксперты – нефтяники, энергетики, государственные эксперты, люди, которые входят в механизм принятия решений, были бы весьма полезны, чтобы найти какие-то оптимальные формы. У нас есть тематические группы, куда входят бизнесмены по энергодиалогу, они собираются редко. Но в тоже время должна быть и определённая подпитка и от тех же академических кругов, профессиональных кругов. Поэтому такие механизмы должны находить.

Потом, опять же господин Юргенс затронул очень важную тему, это на примере как бизнес беседовал с господами и Брюсселя. Приведу другой пример. На саммите в Лондоне был одобрен курс на заключение нового соглашения взамен СПС между Россией и ЕС. Опять же возник вопрос, какой механизм нужен с тем, чтобы какие-то были наработки к переговорам. Когда с российской стороны выступили три игрока, это государственные люди, государственные и независимые эксперты, удавалось каким-то образом помочь власти найти те или иные предложения в какой форме, какие вещи в общем виде можно было заложить в основе договора. Но когда мы обсуждали это под английским и австрийским представительством тут же возникали проблемы. Когда российская сторона выступает одна и высказывает какие-то предложения, со стороны

ЕС сидят 25 человек и из них минимум 7 начинают говорить не про договор, а что Вы у нас мясо не покупаете, то соответственно от этого начинаются все проблемы. Конечно, нужны нахождения оптимальных форм, в том числе по энергодиалогу, включая представителей бизнеса, потому что с российской стороны это уже было раньше заявлено, с 2005 года. Вопрос заключается в том, что бизнес должен активно участвовать в энергодиалоге и экспертной работе, а государство должно заниматься политическими вещами.

В заключении, в нахождении механизма приведу пример. На прошлой неделе в Берлине был энергетический круглый стол по инициативе РСПП и ведомства господина Рапа – Совета по внешним связям, куда пригласили на экспертном уровне специалистов, на уровне Медведева из ГАЗПРОМа, представителей авторитетных российских и немецких компаний в преимуществе представителей власти и т.д. Представители наших деловых кругов из энергетического сектора поддержали идею - в небольшом трёхслойном формате собираться и обсуждать проблему. Потому что действительно и здесь была затронута проблема мегафонной дипломатии, когда у нас зачастую энергодиалог сводится к сводкам СМИ. Здесь был спокойный конструктивный диалог. Хотя, как Вы знаете, у нас многие энергетики собираются по 300-400 человек, а экспертного конструктивного диалога не получается. Когда существует этот трёхслойный или даже однослойный пирог, когда просто собираются представители компаний и беседуют в конструктивном ключе, но относительно в узком кругу, тогда это, я считаю, более эффективная форма диалога и нахождение тех или иных проблем и упреждение тех или иных негативных процессов, которые могут ожидать обе стороны».

Залман Кац, член правления Балтийского форума

«Я бы хотел рискнуть попытаться совместить идеи и предложения господ Калюжного, Юргенса и Урбановича. Как Вы думаете, нет ли смысла в том, что Игорь Юргенс сформулировал очень ёмко, коротко и конструктивно, вынести на предстоящий в мае форум, как идею элемента нового СПС между ЕС и Россией?».

Абрам Клецкин, член правления Балтийского форума

«Я думаю, мы говорим о том, о чем надо говорить. Но как говорил великий пролетарский писатель Максим Горький: «Не всегда важно, что говорят, но всегда важно, как говорят». Так вот мы все время разговариваем, забывая, что, скажем, в бизнесобщении первая фраза, с чего начинается разговор, звучит так – Чем я могу Вам быть полезен? Первая фраза, которая звучит в политике – Что мне от Вас надо? Так вот, пока мы не решим, что мы должны разговаривать исходя из того, что мы должны быть полезны тому, с кем разговариваем и ждать от него соответствующего отношения, ничего не будет. Я думаю, что в этом смысле, мы все ещё психологически живем в эпоху холодной войны. Спасибо».

Янис Урбанович, президент Балтийского форума

«Дорогие друзья! Во-первых, спасибо всем, кто сегодня выступал, ещё большее спасибо тем, кто слушал. Мне кажется, что разговор получился хорошим и если мы договоримся с теми, кто здесь присутствует и их друзьями, которых можно пригласить, то мы продолжим этот разговор в мае. Спасибо всем».